

## МИРОВАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ

### Аннотация

В статье рассматриваются основные тенденции внутри- и внешне-политического развития государств Центральной Азии в текущей ситуации усиления мировой геополитической и геоэкономической турбулентности. Оцениваются перспективы краткосрочного развития государств региона в меняющихся с начала 2022 года условиях. При этом указанный комплекс вопросов анализируется с точки зрения национальных интересов Российской Федерации. Данная опция выбрана в связи с особой значимостью Центрально-Азиатского региона для сохранения стабильности не только РФ, но и всего пространства Евразии. Отдельно рассматриваются необходимые, по мнению автора, меры, требуемые от России для поддержки республик Центральной Азии, недопущения их превращения в зону «второго фронта» коллективного Запада против РФ и расшатывания континентальной стабильности.

### Актуальные российские интересы в Центрально-Азиатском регионе

Несмотря на стратегическую значимость Центральной Азии (ЦА) для стабильности и безопас-

ности России во внешней политике региону много лет отводилось второстепенное место. Политика

---

**ГРОЗИН Андрей Валентинович** – кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Россия, Москва, email: andgrozin@yandex.ru, SPIN-код: 5621-8571.

**Ключевые слова:** Центральная Азия, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Россия, Запад, безопасность.

DOI: 10.48137/23116412\_2024\_2\_4

носила ситуативный характер в ответ на действия геополитических конкурентов. Дипломатическая работа в регионе считалась малопrestiжной. Инвестиционная активность российского бизнеса по объективным и субъективным причинам носила по большей части «точечный» характер.

Особая роль ЦА для России кристаллизируется в течение последних лет. После формирования и запуска проекта Евразийской интеграции и перехода конфликта России и Западного блока к открытому противостоянию в 2014 году, стало можно с полным основанием утверждать, что роль и место «центральноазиатского фактора» в российской политике заняли подобающее положение. Новый этап переосмысления подходов к центральноазиатским партнерам начался для Москвы после начала специальной военной операции (СВО) и вала западных антироссийских санкций.

Центральная Азия играет ключевую роль в «повороте России на Восток». Помимо прочего, после начала СВО были актуализированы вопросы транспортных коридоров с очевидным пониманием того, что транспортные пути, контролируемые Западом в сложившемся историческом контексте для Москвы неприемлемы.

В настоящее время Центральная Азия для России является одним из ключевых геополитических, геостратегических и геоэкономических приоритетов. Это неотъемлемая данность, константа внешней политики нашего государства. То

же самое можно сказать и о значении для РФ масштабных и многогранных связей и интеграционных проектов (транспортных, энергетических и т.д.), реализуемых совместно со странами региона. В этом смысле наблюдаемая и ожидаемая в средне- и долгосрочной перспективе, внешнеполитическая активизация Москвы в регионе выглядит органично и оправдано.

Российская и китайская геостратегии сходным образом рассматривают ЦА в качестве «тылового пространства», на котором Москве и Пекину, в равной мере, необходимо сохранение внутривнутриполитической стабильности и развития, не генерирующего для РФ и КНР угроз и вызовов. Этот объективно существующий интерес включает также необходимость неконфликтного и сбалансированного экономического и внутривнутриполитического развития государств региона, максимально свободного от внешних деструктивных воздействий и снижающего накал многочисленных внутренних противоречий внутри «центральноазиатской пятерки».

Позитивным моментом является то, что ЦА отличается от других постсоветских макрорегионов отсутствием государств, для политических элит которых противостояние с Россией могло бы стать ключевым содержанием их внешней политики [1, с. 4]. Конструирование таких элит противниками РФ в регионе целенаправленно ведется более трех десятилетий, но этот процесс трудно назвать успешным.

Сходные процессы наблюдаются и в области массового сознания, хотя в социально-психологической сфере в отдельных республиках региона антироссийские нарративы и выглядят более успешно, чем инспирированные извне попытки переструктурировать политическую и экономическую системы центральноазиатских республик.

При этом со странами ЦА Россия связана значительным количеством материальных и нематериальных взаимозависимостей, а политические отношения нашей страны со всеми государствами региона остаются традиционно дружественными, что закрепляется их участием в различных межгосударственных структурах, а также на уровне многочисленных двусторонних договоренностей.

В 2022 году товарооборот РФ со странами региона вырос на 20% и достиг \$42 млрд [2], а в 2023 году увеличился на 7% и достиг рекордных \$56,2 млрд. При этом главными торговыми партнерами остались Казахстан (\$26 млрд) и Узбекистан (\$9,9 млрд – исторический максимум)<sup>1</sup>.

В то же время усложняющаяся конфигурация международных отношений, осложняемая прокси-войной Западного блока против РФ, создают новые возможности для потенциальной дестабилизации, как самих республик ЦА, так и их связей с Россией. В целом страны ре-

гиона находятся в более выигрышном положении, чем другие соседи России (Южный Кавказ, Восточная Европа), поскольку внешнее влияние на их экономики, политические системы и социумы ограничено объективными геополитическими обстоятельствами. Однако, в связи с ростом мировой турбулентности сохранение внутривнутриполитической стабильности и исторически сложившихся международных связей испытывают растущее давление.

Для самих центральноазиатских республик 2023 год, в сравнении с 2022-м, оказался во многом более спокойным и благополучным. Не было попыток мятежей (Казахстан, январь 2022), массовых беспорядков с элементами сепаратизма (таджикский Горный Бадахшан в начале 2022, узбекский Каркалпакстан, июнь 2022), или межгосударственных вооруженных конфликтов (таджико-киргизский приграничный конфликт, сентябрь 2022). Социальная стабильность везде сохранялась на приемлемом уровне. Экономика демонстрировала неплохую динамику и росла.

В то же время, как отмечалось выше, резко усилилось внешнее давление на страны региона. Столкновение стран Западного блока с Россией и постепенно нарастающее противостояние коллективного Запада с Китаем, привело к беспрецедентной активности топ-

---

<sup>1</sup> Товарооборот России и стран Центральной Азии достиг рекордного уровня // <https://islam-today.ru/novosti/2024/03/18/tovarooborot-rossii-i-stran-centralnoj-azii-dostig-rekordnogo-urovna/> (дата обращения: 18.03.2024).

чиновников США, Евросоюза и Великобритании в попытках «сепарировать» политические и экономические системы ЦА от РФ и, в близкой перспективе, КНР [3].

Данный тренд, расширяя поле для маневра центральноазиатским властям и принося их экономикам и бюджетам реальные доходы, в то же время ставит их в новую ситуацию: осуществление прежней политики «многовекторного» лавирования между мировыми центрами

силы в текущих условиях глобальной гибридной войны становится все сложнее реализовывать не переходя окончательно в зону влияния одной из сторон общемирового конфликта. Безусловно, эта тенденция сохранится как минимум на ближайшие годы и, давление великих держав (а также региональных государств, борющихся за «переход в высшую лигу») на политические и экономические системы стран ЦА станет еще жестче.

### **Основные особенности стран региона в текущей ситуации**

#### *Казахстан*

Попытка мятежа в январе 2022 года продемонстрировала низкую эффективность всей государственной системы Республики Казахстан (РК) в кризисной ситуации. Запад не только не помог, но и выступил против подавления вооруженного мятежа, а после его ликвидации, через свои СМИ, НПО/НКО и аффилированных «гражданских активистов» начал масштабное информационное давление на президента Касым-Жомарта Токаева. Многолетний акцент на укрепление во власти технократов с западными дипломами, патронирующих «национал-патриотов» («нацпатов»), привел в итоге к январю-2022 и кризису казахстанской государственности.

Западное давление на Астану, усилившееся после начала СВО России на Украине, дало плоды: не-

смотря на очевидную опасность, в Казахстане продолжают прежние тенденции, включая крен в многовекторность при заигрывании с националистами. «Нацпаты», поддерживаемые и направляемые частью властных элит и финансируемые извне НПО, остались во власти и даже расширили зоны своего присутствия и контроля [4].

Внутриполитическая ситуация в республике в течение 2022-2023 гг. характеризовалась тем, что президент К.-Ж. Токаев продолжал укрепление механизма управляемости бюрократическим аппаратом и силовыми структурами. После преодоления начальной фазы острого кризиса реализовывалась работа по восстановлению управления силовым блоком. К настоящему времени укрепление административной системы руководству страны, в значи-

тельной мере, удалось: наиболее одиозные фигуры из числа «старой» элиты либо под арестом, либо в эмиграции, либо на пенсии. Первый президент Н. Назарбаев лишен не только возможностей как-то влиять на ситуацию в стране, но и всех формальных регалий. Казахстанскому руководству, в целом, удается обеспечивать приемлемый уровень консолидации общества, сохранять контроль над политическим процессом в целом и ситуацией в регионах.

В то же время никуда не делся серьезный вызов, связанный с проблематикой социальной справедливости. Власти пытаются реагировать на это за счет «перехвата» социальной риторики, а также эксплуатации националистических нарративов.

Главным внутривнутриполитическим трендом двух последних лет для республики стал процесс «обновления элиты» для «нового Казахстана». Кадры, связанные со «старой» элитой, интенсивнее выдавливались из госаппарата, а фигуры, лично лояльные президенту Токаеву, получили возможности для быстрого карьерного роста. В этом процессе, как и при Назарбаеве, вопрос личной преданности важнее профессиональных качеств. При этом одной из острейших проблем второго президента остается острый дефицит «новых кадров».

Внешнеэкономическая ситуация для Астаны остается благоприятной и экономика демонстрирует умеренный рост. На Казахстан продолжает работать благоприятная внешнеэкономическая конъюнкту-

ра: цены на все казахстанские экспортные товары остаются стабильными, и есть шансы, что они будут расти (особенно энергоносители, металлы и зерно). Это расширяет возможности правительства по маневру ресурсами в прежнем режиме ручного управления экономикой с ориентацией на оперативное «заливание деньгами» периодически возникающих социально-экономических микрокризисов.

Укрепление власти Токаева сохраняет шансы на изменение казахстанской внешней политики. В последние годы проводимый Астаной курс становился все более и более прозападным и, объективно, антироссийским. СВО и растущее западное давление на Казахстан в целях «отрыва» республики от РФ, замедляют, но, как представляется, не в состоянии отменит процесс естественного, объективно непреодолимого постепенного перехода РК в лагерь стран глобального «не-Запада».

В данной связи важным для Москвы является вопрос корректировки внешней и отчасти внутренней политики Астаны, так как накопилось много проблем, как в двусторонних отношениях, так и в области дальнейшего развития евразийского интеграционного процесса.

Немаловажным фактором является определение дальнейшей роли Казахстана в Организации тюркских государств (ОТГ) под эгидой Анкары, созданного, в определенной мере, в противовес ЕАЭС.

Актуализируются и вопросы присутствия объектов НАТО и Пентагона на казахстанской территории, в

том числе военно-биологических, поскольку это принципиальный вопрос обеспечения безопасности на всем евразийском пространстве. Также много нареканий внутри самой республики вызывает господство американских, английских и европейских ТНК в экономике РК, которые оказывают прямое влияние на казахскую правящую элиту [5].

Играет свою роль и неоднозначная риторика казахского руководства, которая слышится на протяжении последних двух лет. В Астане неоднократно заявляли, что не собираются помогать Москве обходить введенные против нее санкции, объясняя это опасностью введения рестрикций со стороны стран Западного блока. Вместе с тем все громкие заявления из Астаны о поддержке санкционного давления на Россию сегодня все же не перешли красную черту, после которой отношения с Москвой могут серьезно ухудшиться. Власти РК активно встречаются с российскими коллегами и продолжают развитие различных форм двустороннего сотрудничества.

В целом, нынешняя политика Астаны в отношении Москвы напоминает балансирование на грани. В РК понимают, что разрыв отношений с РФ будет дорого стоить стране в экономическом и политическом плане, но и острое нежелание как-то осложнить отношения с Западным блоком является доминирующим в казахстанском правящем классе.

Рано или поздно Астане придется выбирать, тем более что геогра-

фически, политически и ментально страна не принадлежит к Европе, а связана с ней только экономическими интересами. Ближайшие соседи и главные торгово-экономические партнеры Казахстана – Россия и Китай – уже вряд ли когда-то вернуться в старую западноцентричную модель международных отношений. Неверное решение может крайне негативно сказаться на будущем Казахстана. Здесь и невозможность транспортировки нефти потребителям в ЕС, и сокращение транзитного потенциала республики, и проблемы в энергетике и инфраструктуре, и сокращение инвестиций, и рост безработицы с последующей дестабилизацией обстановки и многое другое.

Как представляется, власти Казахстана, по мере сужения возможностей лавирования на мировой арене, вне зависимости от собственных желаний и личных зависимостей, будут вынуждены вносить необходимые коррективы в свою внешнюю политику. В силу географического положения и тесных экономических, торговых и транспортных связей РК тесно интегрирована в Евразию и изменить это состояние объективно невозможно.

В то же время данная закономерность не должна рассматриваться как стопроцентная гарантия защиты интересов России в Казахстане: мониторинг и необходимое воздействие на политику Астаны должны быть постоянными и плотными для исключения субъективных факторов, способных нанести ущерб российским национальным интересам.

Узбекистан

Для Республики Узбекистан (РУз), остающейся наряду с Казахстаном системообразующей страной Центрально-Азиатского региона, текущий период нарастающей мировой турбулентности связан с продолжающимся процессом реформирования страны. Этот курс Ташкент пытается проводить, сохраняя социальный мир и стабильность политической системы, а любые изменения носят эволюционный характер.

30 апреля 2023 г. в РУз прошел референдум по принятию новой редакции Конституции, юридически закрепившей концепцию «Нового Узбекистана» – комплекса новых политических и экономических решений, начатых после прихода к власти Шавката Мирзиёева в 2016 году, когда в экономике страны начались реформы, а элита начала восстанавливать международные и локальные связи с общественностью. Наиболее заметными из шагов по реформированию экономики и социальной сферы были валютная и налоговая реформа, ослабление ограничений для мусульман, предоставление большей свободы слова, меры по прекращению принудительного труда на уборке хлопчатника, сотрудничество с соседями в регионе для ослабления межгосударственной напряженности из-за пограничных и водных споров и др. Узбекские власти предприняли ряд шагов, которые подали «правильные сигналы» и удостоились похвалы международного сообщества (Запада, в первую оче-

редь), хотя многие из экономических реформ остаются не завершёнными или даже не начатыми.

В июле 2023 г. действующий президент был переизбран, идет работа по перестройке госаппарата в рамках административной реформы. В 2022 году была принята пятилетняя Стратегия развития на 2022–2026 годы, призванная стать базой для дальнейших преобразований и позволит Узбекистану стать, как было заявлено, одним из «государств с доходом выше среднего». Ряд центральноазиатских экспертов сейчас ожидает, что в ближайшие годы именно Узбекистан станет наиболее динамично развивающимся государством региона. В случае успеха реформ у РУз с ее демографическим, оборонным и экономическим потенциалом появятся шансы стать не «потенциальным», а вполне реальным региональным лидером.

Стимулирующие меры по развитию промышленности и сферы услуг, предложенные властью, дали плоды: ВВП Узбекистана за 2022 год впервые за годы суверенитета превысил \$80 млрд при получении \$8 млрд прямых иностранных инвестиций. Руководство РУз объявило о том, что в 2023 году объем ВВП Узбекистана вырастет не менее чем на 5,3%.

В последние года отмечается существенный рост внешнеторговых показателей республики. В 2023 году, по данным Агентства статистики Узбекистана, на Китай пришлась большая часть внешнетор-

гового оборота (21,9%), далее идет Россия (15,8%), Казахстан (7,0%), Турция (5,0%) и Республика Корея (3,7%). В РФ Узбекистан продал товаров на \$3,3 млрд, а приобрел у нее – на \$6,5 млрд<sup>2</sup>.

Беспорядки в Каракалпакии летом 2022 г. продемонстрировали, что узбекские власти обладают достаточными силовыми и экономическими ресурсами, чтобы купировать акции протеста и не дать им распространиться. Пока угроз для устойчивости политического режима в стране не наблюдается. Власть демонстрирует устойчивость, беспорядки еще незначительны, население в большинстве аполитично, прямого внешнего воздействия на раскачивание ситуации в стране в настоящее время не отмечается.

Разворачивающийся с начала зимы 2022 – 2023 гг. энергетический кризис показал, что нет ни внутренних ресурсов, ни внешних игроков, которые готовы были бы выступить долговременным гарантом энергетической безопасности РУз. Если оценить энергетические балансы региона, то только Россия может стать источником энергоресурсов для Узбекистана, где потребление уже превышает генерацию. Понимание

этого подтолкнуло Ташкент и Астану к ускоренному заключению договоренностей с РФ о поставках газа (президенты трех стран 7 октября 2023 г. дали старт началу этих поставок). Двухлетний контракт предусматривает поставки российского газа в годовом объеме около 2,8 млрд куб. м. Ташкент планирует увеличить объемы покупки в 3,6 раза – до 11,68 млрд куб. в год<sup>3</sup>.

В текущем году наступает дедлайн с началом строительства «Росатомом» АЭС мощностью 2,4 Гвт в Джизакском регионе РУз. Станция должна заработать к 2028 году и покрыть более 30% потребности страны в электроэнергии.

Социальную ситуацию в стране серьезно осложняет «демографический пресс»: по данным Госкомитета по статистике РУз, численность постоянного населения республики к концу 2022 г. превысила 36 млн человек, а на 1 октября 2023 г. численность населения достигла отметки в 36,6 млн человек<sup>4</sup>. По прогнозам Института прогнозирования и макроэкономических исследований Узбекистана, население страны к 2030 г. превысит 41 млн человек<sup>5</sup>. С ростом числа трудоспособного населения

<sup>2</sup> Россия является самым крупным рынком сбыта узбекской плодоовощной продукции // <https://asia-today.news/26032024/3451/> (дата обращения: 27.03.2024).

<sup>3</sup> Кыргызстан обсуждает с «Газпромом» поставки в республику более 500 млн куб. м российского газа в год // <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/03/25/1027889-kirgiziya-hochet-poluchat-iz-rossii> (дата обращения: 26.03.2024).

<sup>4</sup> Демографическая ситуация в Республике Узбекистан. Январь-сентябрь 2023. Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан // [https://stat.uz/images/uploads/reliz-2023/demografiya-press-reliz-27\\_10\\_2023-rus1122.pdf](https://stat.uz/images/uploads/reliz-2023/demografiya-press-reliz-27_10_2023-rus1122.pdf) (дата обращения: 12.03.2024).

<sup>5</sup> Население Узбекистана ежедневно увеличивается почти на 2 тысячи человек // <https://news.mail.ru/society/57184656/> (дата обращения: 22.02.2024).

возрастает давление на рынок труда, увеличивая безработицу, в первую очередь среди молодежи. По числу постоянно находящихся на территории РФ трудовых мигрантов – от 2-х до 2,5 млн человек – Узбекистан остается многолетним региональным лидером.

Наряду с нарастающим валом проблем в энергетической сфере, проблема трудоустройства и социализации постоянно растущего населения является основным вызовом, стоящим перед Ташкентом и в кратко-, и в долгосрочной перспективе.

В целом, с политико-экономической точки зрения, как представляется, РУз для России – наиболее перспективный региональный партнер в условиях экономической войны, ведущейся против нашей страны Западным блоком. Речь в данном случае даже не о вторичном экспорте, а о том, что Узбекистан полезен в плане развития промышленной кооперации: в республике могут создаваться СП с привлечением комплементарных, доступ к которым для российских компаний ограничен.

При этом основными вызовами для России в выстраивании стабильных и взаимовыгодных отношений с Узбекистаном в настоящее время являются:

- торможение экономического развития и энергетический дефицит, ведущие к потенциальному росту социального недовольства;

- формирование и курс на максимальное развитие в Узбекистане Западным блоком собственной общественно-политической инфраструктуры (прозападные НПО/НКО, прозападные СМИ и социальные сети, лояльные коллективному Западу и Турции политики, управленцы, эксперты, лидеры общественного мнения, офицерский состав ВС и т.д.);

- возможная в перспективе трех-пяти лет попытка смены власти или постановки действующего узбекского руководства под контроль Запада в момент, когда (и, если) для этого откроется окно возможностей – в период вероятных социальных волнений и острого внутривнутриполитического кризиса.

### *Киргизия*

Вопреки ожиданиям некоторых экспертов, руководство Киргизской Республики (КР) в 2022-2024 гг. не менялось. Президент Садыр Жапаров, пришедший к власти после очередного переворота в октябре 2020 г., управляет страной. Вопросами национальной безопасности занимается его соратник — вице-премьер-министр и председатель Государственного комитета нацио-

нальной безопасности (ГКНБ) Камчыбек Ташиев. Правительством руководит однофамилец президента Акылбек Жапаров.

«Национальные особенности» киргизской структуры власти и общества традиционно создают в стране больше рисков, чем стабильности. Сложившаяся после последней смены власти осенью 2020 года консенсусная система власт-

ного «тандема» сохраняет видимость баланса киргизской управленческой модели: дуумвират Жапарова (уроженца северной Иссык-Кульской обл.) с главой силового блока, выходцем с Юга (Джалал-Абадская обл.) Ташиевым контролирует ключевые государственные структуры.

Оппозиция с конца 2020 г. ждет распада «тандема», но ничего похожего пока так и не произошло. В настоящее время Жапарову удается сохранять значительную по киргизским меркам общественную поддержку, серьезной «усталости» населения от фигуры действующего президента пока не отмечается.

Экономическую и социальную ситуацию в КР от кризиса удерживают доходы от реэкспорта товаров, повышение зарплат госслужащих и бюджетников, и рост социальных выплат. В значительной мере стабилизации социально-экономической ситуации способствуют переводы трудовых мигрантов из России.

Весной 2021 г. прошел референдум о форме правления в КР, где 84% населения проголосовало за переход от парламентско-президентской к президентской республике. Это способствовало наведению элементарного порядка и упростило государственную систему принятия решений (реформа дала президенту широкие полномочия во всех сферах управления). В то же время, в последние полтора-два года наблюдается рост недовольства отесняемых от власти и ресурсов групп элит. Данный про-

цесс, как это часто происходит в КР, закладывает основу для возможных последующих общественных протестов.

Острым вызовом для новой киргизской власти оставались участвовавшие пограничные конфликты с Таджикистаном. Серьезным испытанием для КР стали вооруженные столкновения на киргизско-таджикской границе осенью 2022 г. Этот конфликт стал самым масштабным и кровопролитным в истории пограничных конфликтов в ЦА за все годы независимости постсоветских республик региона.

В начале октября 2023 г. Киргизия и Таджикистан подписали протокол №44, который, как отмечалось, «дает основания решить все приграничные вопросы». Протяженность границы между двумя странами составляет 972 км из которых к концу 2023 года неописанными заявлялись около 250 км. После подписания протокола процесс согласования оставшихся неописанными участков ускорился.

Негативно на устойчивость системе государственной власти влияет и исламизация киргизского общества. Ряд киргизских экспертов оценивают этот процесс, как идущий самыми быстрыми в Центральной Азии темпами. Исламизация в Киргизии характеризуется тем, что она носит радикалистский характер, а такфиристские и джихадистские идеи необычайно популярны, особенно среди молодежи. При этом КР остается «молодым» государством: по данным Национального статистического

комитета, к 2014 году в стране насчитывалось около 1,7 млн. человек в возрасте 14-28 лет, что составляло более трети всего населения<sup>6</sup>. Растет численность молодых людей, считающих, что следует отказаться от светской модели и перейти к государству, в котором «все будет по шариату».

КР лишена серьезного ресурсного потенциала, в силу чего экономика республики много лет находилась в упадке<sup>7</sup>. Положительные изменения и подъем экономики начались лишь после вхождения республики в ЕАЭС. ВВП Киргизии в 2023 г. увеличился на 6,2% к предыдущему году до более чем 1,2 трлн сомов (\$13,4 млрд)<sup>8</sup>. В 2022 году была побита историческая цифра, товарооборот между Киргизией и РФ превысил \$3,4 млрд<sup>9</sup>, в 2023 году российско-киргизский товарооборот сократился до \$2,9 млрд<sup>10</sup>.

Энергетический стресс, наблюдаемый в течение двух последних отопительных сезонов, вынудил власти ввести в стране режим ЧП.

На конец 2023 г. государственный долг Киргизии достиг \$6 млрд 280,54 млн (внутренний долг – чуть более \$1,6 млрд, внешние займы – \$4,652 млрд)<sup>11</sup>. Главным кредитором республики традиционно остается КНР, ей Бишкек должен \$1,71 млрд или 36,7% всех внешних обязательств.

При этом, в Киргизии к масштабным внутренним конфликтам и «революциям» чаще всего приводят вызовы политического, а не экономического характера. Риски в политике обусловлены невиданным в стране за много лет уровнем концентрации власти в руках «тандема». Оппозиция ослаблена и частично находится в СИЗО ГКНБ, по обвинению в попытке организации мятежа. Ситуация создает предпосылки для власти и далее усиливать давление на любых оппонентов, а для разрозненных групп оппозиции и отесняемых от ресурсов элит в центре и на местах – радикализироваться в борьбе против «тандема».

---

<sup>6</sup> Молодежь в Кыргызской Республике. 2009-2013. Статистический сборник. Бишкек. 2014. 244 с.

<sup>7</sup> Во что российскому бизнесу инвестировать в Кыргызстане? // <https://stanradar.com/news/full/41346-vo-chto-rossijskomu-biznesu-investirovat-v-kyrgyzstane.html> (дата обращения: 25.02.2024).

<sup>8</sup> Кыргызстан обсуждает с «Газпромом» поставки в республику более 500 млн куб. м российского газа в год // <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/03/25/1027889-kirgiziyahochet-poluchat-iz-rossii> (дата обращения: 26.03.2024).

<sup>9</sup> Как складывалось экономическое сотрудничество РФ и КР в 2023 году // [https://www.vb.kg/doc/434266\\_kak\\_skladyvalos\\_ekonomicheskoe\\_sotrydnichestvo\\_rf\\_i\\_kr\\_v\\_2023\\_gody.html](https://www.vb.kg/doc/434266_kak_skladyvalos_ekonomicheskoe_sotrydnichestvo_rf_i_kr_v_2023_gody.html) (дата обращения: 22.01.2024).

<sup>10</sup> Товарооборот России и стран Центральной Азии достиг рекордного уровня // <https://islam-today.ru/novosti/2024/03/18/tovarooborot-rossii-i-stran-centralnoj-azii-dostig-rekordnogo-urovna/> (дата обращения: 18.03.2024).

<sup>11</sup> Чем будем платить за западные кредиты? // [https://www.vb.kg/doc/436109\\_chem\\_bydem\\_platit\\_za\\_zapadnye\\_kredity.html](https://www.vb.kg/doc/436109_chem_bydem_platit_za_zapadnye_kredity.html) (дата обращения: 28.03.2024).

В целом, Киргизия остается одной из существенно зависимых от России в политическом плане государств региона. В экономическом же и финансовом – от КНР. КР входит в ЕАЭС, ОДКБ и ШОС. РФ на сегодняшний

день занимает прочные позиции в ключевых направлениях жизнедеятельности республики. Именно Россия, наряду с Китаем, являются «локомотивами», пытающимися продвигать КР по пути развития.

### *Таджикистан*

В 2023 году властям Республики Таджикистан (РТ) пришлось решать круг проблем и вопросов, стоявших перед страной и ранее. Главные из них связаны с социально-экономической сферой. В последнее время отмечается улучшение экономической сферы страны: по данным Минэкономразвития РТ, объемом ВВП страны в 2023 году достиг \$11,9 млрд, рост составил 8,3%, а по данным Международного валютного фонда, в 2024 году вырастет более чем на 5% [6]. В то же время хронические диспропорции в социальной сфере девальвируют любые положительные изменения в экономике.

Таджикистан по темпам прироста населения занимает ведущее место на постсоветском пространстве. Количество жителей страны за годы независимости выросло почти на 80%. 23 июля 2022 г. было официально объявлено о том, что население достигло 10 миллионов человек. Проблема занятости в РТ много лет решается за счет массовой трудовой миграции в Россию (по числу постоянно находящихся в РФ трудовых мигрантов Таджикистан уступает лишь Узбекистану: на российской территории до начала СВО постоянно находилось,

по разным оценкам, от 900 тыс. до 1,5 млн таджикистанцев), однако сейчас ситуация меняется. Даже если Россия не введет полноценный визовый режим въезда граждан центральноазиатских республик на свою территорию, то, очевидно, усиление регуляции процесса доступа иностранцев на российский рынок труда и наведение порядка в отношении контроля потоков трудовых ресурсов продолжатся в РФ в любом случае.

Наиболее проблемным регионом РТ остается Горный Бадахшан (ГБАО). Постоянные эксцессы вокруг ГБАО являются отражением копившихся много лет проблем в отношениях центра и регионов (разрыв в уровне доходов и экономического развития). Таджикская система управления и распределения бюджетных средств крайне централизована и регионы не имеют достаточных средств для развития [7, с. 215-217]. Концентрация ресурсов бедной горной страны в руках весьма многочисленной семьи президента Эмомали Рахмона также не способствует нормальным отношениям центра и периферии. Как представляется, отсутствие конфликтов вокруг ГБАО в 2023 году является лишь «паузой», по-

сколькo серьезных системных шагов по предотвращению роста конфликтного потенциала на этом направлении, Душанбе пока не предпринимал.

Неясными остаются перспективы транзита высшей власти. На фоне того, как завершились неудачный (в Казахстане) и удачный (в Туркменистане) эксперименты с передачей поста президента, вероятно, Рахмон и его окружение укрепятся в желании передать власть только близкому родственнику. Транзит, очевидно, пройдет по сценарию от отца к сыну. Сын Эмомали Рахмона – Рустам Эмомали с весны 2020 г. занимает пост председателя Национального совета (Маджлиси Милли) – верхней палаты Высшего собрания (Маджлиси Оли) РТ, совмещая эту должность с должностью мэра столицы<sup>12</sup>.

Серьезным вызовом остается ситуация в Афганистане. Таджикистан оказался единственным государством ЦА, изначально занявшим позицию непризнания режима «Талибана»\*. Бегство войск Западного блока из Афганистана в августе 2021 г. обострило для таджикской власти вопросы, связанные с безопасностью. США оставили в Афганистане значительные объемы оружия, которое попало в том числе к различным экстремистским группам. Имея протя-

женную границу с Афганистаном, Душанбе опасается не только прямого проникновения террористов на свою территорию, но и формирования легитимного государства на основе законов шариата вблизи таджикских рубежей. Учитывая общий рост религиозности, низкий образовательный уровень и бедность большинства таджикского населения, идеи строительства «справедливого исламского государства» могут быстро обрести популярность, составив конкуренцию существующей власти и вновь подведя Таджикистан к гражданской войне. В Душанбе в настоящее время уверены, что вторжение террористических групп с афганской территории лишь вопрос времени.

Двусторонние взаимоотношения между Россией и Таджикистаном всегда отличались высоким уровнем прагматичности. Как и в случае с Киргизией, Таджикистан в настоящее время остается весьма зависимым от РФ в политическом и оборонном плане государством региона (крупнейший российский военный объект за рубежом – 201-я база – расположен на таджикской территории). В экономической и финансовой области республики высоко влияние Китая.

РТ и РФ имеют схожие интересы по большинству концептуальных вопросов международной и

---

<sup>12</sup> Амбициозные дочери президентов. Возможно ли «женское правление» в Центральной Азии? // <https://ia-centr.ru/experts/darya-matyashova/ambitsioznye-docheri-prezidentov-vozmozhno-li-zhenskoe-pravlenie-v-tsentralnoy-azii-/?ysclid=luczzl916z436142098> (дата обращения: 06.01.2024).

\* Признана террористической организацией и запрещена в РФ.

региональной политики, заметных разночтений не фиксируется. Имеются позитивные тенденции в области экономического сотрудничества. Если в 2001 г. объем российско-таджикского внешнеторгового оборота составлял \$234 млн, то взаимный товарооборот в 2022 г. превысил \$1 млрд. В 2023 году РФ заняла лидирующее место среди внешнеэкономических партнеров Таджикистана с долей в 20,6%, а взаимный товарооборот превысил \$1,714 млрд, преодолев исторический максимум<sup>13</sup>.

В текущей ситуации глобальной прокси-войны, в которой используются ресурсы международных террористических организаций (МТО) Москва и Душанбе заинтересованы в совместной работе в области безопасности. Политическое руководство РТ много лет предпринимает усилия, направленные на нерас-

пространение экстремистских идей в обществе и блокировку каналов вербовки граждан в МТО: усиленный контроль за распространением в сети информации экстремистского характера, обязательная регистрация сим-карт, периодические блокировки интернета и т.д. Однако, этих усилий, как стало ясно после теракта в «Крокус Сити Холле», недостаточно, и для России особое значение приобретает развитие межгосударственных площадок взаимодействия с Таджикистаном (как и с другими странами ЦА) для координации усилий по обеспечению антитеррористической безопасности наших страны и препятствию экстремистской и террористической деятельности в регионе в целом. Вероятно, в ближайшее время стороны запустят дополнительные форматы по линии спецслужб [8].

### *Туркменистан*

Для Туркменистана в 2022-2023 гг. основным событием стал старт и ход процесса транзита высшей власти. 12 февраля 2022 г. Гурбангулы Бердымухамедов объявил о сложении президентских полномочий. Преемником стал его сын Сердар. Транзит был подкреплен курирующей ролью Бердымухамедова-старшего, занявшего пост председателя верхней палаты Милли Генгаша (парламента). Соседи и другие региональные игроки

восприняли смену власти спокойно, понимая, что речь идет не о смене лидера, а о создании более удобной формы продолжения руководства страной для Г. Бердымухамедова.

Сердар придерживается выстроенного отцом курса и ни о каких внутривнутриполитических изменениях (тем более, либерализации) в стране не идет и речи. В начале 2023 г. был воссоздан ранее упраздненный высший орган народовластия – Халк

<sup>13</sup> Товарооборот России с Таджикистаном в 2023 году достиг рекорда // <https://ria.ru/20240130/tovarooborot-1924363547.html> (дата обращения: 25.03.2024).

Маслахаты (Народный совет), своеобразный «парламент над парламентом» [9, с. 319] с максимально широкими полномочиями. Возглавил его экс-президент Г. Бердымухамедов. В ведение Халк Маслахаты отданы внесение изменений в конституцию, вопросы внутренней и внешней политики, а также программы политического, экономического, социального и культурного развития и проблемы безопасности. Абсолютная власть в стране, теперь и де-юре, вновь сконцентрирована в руках Бердымухамедова-старшего. За ним также закреплён статус пожизненного «лидера нации».

Информационная закрытость страны в комплексе с недостоверной и фрагментарной официальной статистикой затрудняют оценку ситуации в экономике и социальной сфере Туркменистана. Однако очевидно, что односторонняя зависимость от ключевого экспортера газа – КНР (80% экспортируемого туркменского газа закупается Китаем [10]), многочисленные дисбалансы, ошибочные решения и нерациональное расходование средств привели туркменскую экономику в состояние кризиса. Помимо Китая, покупателями туркменского газа остаются Россия и страны ЦА. Ашхабад, стремящийся ослабить чрезмерную зависимость от единственного покупателя, крайне заинтересован в реальной диверсификации поставок и поиску новых маршрутов.

Транзит власти в Туркменистане не повлек за собой сколько-нибудь заметных изменений, но стал

одной из причин роста активности Ашхабада на внешней арене в 2023-2024 гг. Туркменские власти пытаются нарастить усилия по ранее запущенному проекту газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ) и по ряду других проектов с Узбекистаном, Россией, Казахстаном и Турцией.

Страна не является членом международных организаций (за исключением ни к чему не обязывающего статуса наблюдателя в ряде международных структур – СНГ, ШОС и пр.) и подчеркивает свой статус нейтрального государства. Особняком стоит ситуация с ОТГ: Анкара прилагает максимальные усилия для перехода Туркменистана к статусу обычного, полноценного члена организации. Ашхабад до настоящего времени уклоняется от этого и пока не ясно удастся ли Реджепу Эрдогану «продать» Бердымухамедовых.

Российско-туркменские отношения в настоящее время носят стабильный характер, но после переориентации туркменского газового экспорта в Китай, серьезно «просели». В 2022 году российско-туркменский товарооборот составил более \$1,6 млрд. Основными статьями российского экспорта в Туркменистан являются машины, оборудование и транспортные средства, продовольствие и сельскохозяйственное сырьё, продукция химической промышленности, металлы и изделия из них. За 10 месяцев 2023 года товарооборот вырос на 11,6 % по сравнению с аналогичным периодом 2022 года [11].

В Туркмении, в максимальной мере в регионе ЦА, воплощены практики абсолютного государственного контроля за любыми проявлениями социальной активности. Деятельность зарубежных НПО и НКО на территории республики запрещена. Местные, собственно туркменские неправительственные организации находятся в зачаточном состоянии и в кратко- и среднесрочной перспективе их деятельность никакого

влияния на внутрисоветскую ситуацию оказывать не будет.

Пока возможности внешнего влияния на страну минимальны: власти активно и целенаправленно проводят политику недопущения возможности любого иностранного воздействия на внутрисоветскую ситуацию. Дестабилизировать ситуацию может только внешний импульс, в виде вторжения сил НАТО с территории Афганистана.

### **Сохранение региональной стабильности: возможные направления действий**

В текущих условиях Россия, как представляется, крайне заинтересована в сохранении стабильности Центральной Азии, недопущении ее превращения в зону «второго фронта» коллективного Запада против нашей страны. Исходя из понимания важности ЦА в системе российской безопасности необходимо видеть ряд шагов.

Во-первых, в текущих условиях очевидной становится необходимость для Москвы выработки, на уровне государственно принятой стратегии, критериев пределов и условий поддержки центральноазиатских государств (военно-политической, военно-технической, экономической, финансовой, медийной и пр.) со стороны РФ. В текущих условиях роста общемировых изоляционистских тенденций и усиливающегося дефицита ресурсов любого рода, следует признать целесообразным оказание российской помощи лишь государствам:

а) реально, а не на уровне риторики, являющимся союзниками России, б) имеющими собственный потенциал для борьбы за выживание, в) способными распадом своих политических и социальных систем нанести ущерб российским интересам и безопасности.

Во-вторых, потенциал российской поддержки в регионе должен ориентироваться на помощь развитию экономик двух стран-лидеров ЦА – Казахстана и, особенно, Узбекистана (ликвидация в стране энергодефицита, быстро превращающегося в тормоз экономического развития и потенциальную причину социальной нестабильности). В данной связи следует обратить внимание на сохранение и развитие промышленной кооперации и взаимодействию в финансовом секторе – облегчению расчетов операций в национальных валютах между российскими и центральноазиатскими хозяйствами.

ющими субъектам. Предпринять максимально возможные усилия для того, чтобы реализация проектов по строительству АЭС (Казахстан, Узбекистан) и мини-АЭС (Кыргызстан), дальнейшему расширению масштабов и качества партнерства в рамках «газового союза» Москвы, Астаны и Ташкента осуществлялись в полной мере и в максимально сжатые сроки.

В-третьих, вышеозначенные подходы следует реализовывать параллельно с оказанием на власти стран ЦА влияния и, при необходимости, давления с целью блокирования антироссийской информационной активности. В то же время следует избегать избыточной антагонизации и не ставить власти центральноазиатских республик перед крайне сложным выбором: «либо Россия, либо Запад». Подход в такой стилистике (реализуемый сейчас в регионе Западным блоком) лишь усложнит коммуникацию с властями, которым в сегодняшней ситуации на мировой арене довольно непросто. Проводить по политико-дипломатическим каналам разъяснение рисков и оказывать помощь властям ЦА в выявлении и нейтрализации лиц и структур, которые в перспективе ожидаемо станут элементами инфраструктуры будущих «цветных революций».

В-четвертых, одним из стабилизирующих ситуацию в регионе факторов является появление и

развитие в странах ЦА российских негосударственных некоммерческих организаций. В настоящее время «мягкая сила» России в Центральной Азии представлена крайне слабо по сравнению с западными конкурентами. Россия проигрывает «битву за умы» и в перспективе это даст негативные для сохранения стабильности в регионе результаты. Развитие взаимодействия по линии «Россотрудничества», деятельность «Русских домов», вещание «Спутника» является движением в правильном направлении, но этого явно недостаточно<sup>14</sup>. Востребованным остается поощрение частных инициатив российских и центральноазиатских граждан, развитие контактов «от человека к человеку». Этот процесс следует реализовывать придерживаясь курса на:

- кратное увеличение финансовой поддержки пророссийских НКО/НПО;

- оптимизацию отчетности и бюрократического администрирования;

- расширение тематики работы НКО: продвижение не только расширения поля русского языка в ЦА, но и проекты, которые помогут решать насущные социальные и экономические проблемы рядовых граждан региона (социальная помощь малоимущим, поддержка женщин, развитие бизнеса с Россией, решение проблем экологии и

---

<sup>14</sup> «Мягкая сила» США в Центральной Азии: стимулы, реакции, эффективность, противодействие // <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/myagkaya-sila-ssha-v-tsentrалnoy-azii-stimuly-reaktsii-effektivnost-protivodeystvie-tsentr-evroaziat/#5> (дата обращения: 19.03.2024).

вододефицита, помощь в профориентации и профобучении, помощь жителям труднодоступных регионов и т.п.).

Вовлечение НПО даст возможность не только диверсифицировать каналы оказания помощи России странам региона, но и расширить возможности проецирования российской «мягкой силы» в Центральной Азии.

В-пятых, важным и постоянным полем системной работы должен оставаться комплекс вопросов, касающихся сохранения и расширения пространства русского языка. Языковая политика – инструмент геополитического влияния и поэтому сохранение и расширение сферы русского языка на постсоветском пространстве было, есть и будет соответствовать национальным интересам нашей страны, даже если абстрагироваться от демографии и соображений культурно-цивилизационного развития. Русский язык, русская культура и русскоязычное информационное пространство следует рассматривать как актив, сопоставимый по степени значимости с экономическими или военно-политическими инструментами реализации российских интересов за пределами границ России. Интерес по сохранению за пределами РФ применения русского языка нужен России для возможности влияния на массы населения республик, информационного воздействия через СМИ на население и элиты, а также при необходимости проведения контрпропагандистских кам-

паний в кризисных ситуациях. С учетом необходимости реализации различных российских информационных проектов в ЦА, наиболее перспективными объектами политики укрепления влияния России в силу объективных причин следует признать Киргизию и Казахстан.

В-шестых, назревшей потребностью, продиктованной необходимостью противодействия ведущейся Западом против РФ в Центральной Азии информационной войны, является усиление российского влияния в информационном поле региона. Необходима долгосрочная системная работа по поддержке лояльных в отношении России блогеров, журналистов и СМИ (в том числе и на местных языках), чтобы иметь возможность системно противостоять поддерживаемым США и набравшим популярность в ЦА националистическим силам. Роль СМИ и новых информационно-коммуникативных технологий особенно значима в условиях текущей мировой турбулентности, когда все более активно используются гибридные механизмы влияния на национальную политику, лежащие на стыке силовых и несиловых методик влияния.

Очевидна необходимость дополнить шаги в медиа-сфере принятием Россией программы информационного содействия странам Центральной Азии, рассчитанной на среднесрочную перспективу (2024–2030 гг.). В программе должны быть обозначены как общерегиональные, так и страновые

приоритеты, предполагаемые результаты и критерии эффективности планируемых к реализации программ информационного влияния.

В-седьмых, в среднесрочной перспективе востребованным остается продолжение процесса создания условий для привлечения молодежи из стран региона к обучению в гражданских и военных вузах России. Расширение обучения в РФ военнослужащих из государств ЦА позволит им лучше оценить преимущества российских вооружений, тактики и, в целом, организации военного дела. Следует отдавать себе отчет в том, что обучающиеся в РФ граждане стран ЦА – перспективная опора для реализации российских интересов в данном регионе и основа долгосрочной стабильности центральноазиатских обществ.

Также назрела необходимость комплексной оценки результативности деятельности Славянских университетов в Душанбе и Бишкеке и филиалов российских вузов в ЦА и, с учетом результатов оценки, рассмотреть вопрос об открытии новых представительств.

В-восьмых, сохранение стабильности и неконфликтного развития стран ЦА делает востребованным продолжение вовлечения региона в работу таких международных организаций как ШОС, ЕАЭС, ОДКБ, БРИКС. Очевидна и необходимость для России ориентации на создание в них, по возможности, различных бонусов для центральноазиатских экономик и

обществ (новые международные транспортные коридоры, упрощение таможенных процедур, содействие туризму и образовательным программам, новые экологические инициативы и т. д.).

В-девятых, с учетом текущей ситуации в регионе востребованным остается продолжение и наращивание взаимодействия РФ с КНР по вопросу сотрудничества с центральноазиатскими республиками. Это обуславливается тем, что страны коллективного Запада негативно относятся к усилению регионального влияния как Москвы, так и Пекина, применяют схожие методики и механизмы противодействия России и Китаю. Кроме того, в настоящее время ресурсы РФ пока частично заняты в результате ведения СВО и введенных западных санкций. Использование по мере возможности китайских ресурсов и усилий в необходимом РФ направлении поможет частично нивелировать этот эффект.

В-десятых, все вышеперечисленные шаги во внешней политике России следует реализовывать, опираясь на неизменную ориентацию: фундаментальными принципами российских действий всегда и при любых условиях является защита региональной стабильности и, шире говоря, «нормы», общепринятых, традиционных общественных ценностей. Только в рамках такого подхода могут быть наилучшим образом гармонично защищены интересы как России, так и стран и народов Центральной Азии.

**Список литературы**

1. Бордачев Т., Чижова Д. Центральная Азия и украинский кризис. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М. Декабрь 2022. 56 с.
2. Кирсанов Ф. Российский поворот на Восток идет на пользу Центральной Азии // <https://asia24.media/main/rossiyskiy-povorot-na-vostok-idet-na-polzu-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 22.03.2024).
3. Нежданов В. Как США втянули НАТО в борьбу с Китаем // <https://ia-centr.ru/experts/vladimir-nezhdanov/kak-ssha-vtyanuli-nato-v-borbu-s-kitaem/?ysclid=lucw0cbhqg662441564> (дата обращения: 24.12.2023).
4. Исаев А. Доллары на ненависть: США разжигают в Центральной Азии вражду не только к России, но и к местным русским // <https://stanradar.com/news/full/53307-dollaru-na-nenavist-ssha-razzhigajut-v-tsentralnoj-azii-vrazhdu-ne-tolko-k-rossii-no-i-k-mestnym-russkim.html?ysclid=lucze4nsri909044686> (дата обращения: 27.02.2024).
5. Прохвятилов В. Странам Центральной Азии предлагают убить собственную экономику // <https://www.fondsk.ru/news/2023/05/19/stranam-centralnoj-azii-predlagayut-ubit-sobstvennuyu-ekonomiku.html> (дата обращения: 28.03.2024).
6. Захватов А. Как в Таджикистане используют деньги трудовых мигрантов. // [https://www.ng.ru/kartblansh/2024-03-26/3\\_8979\\_kb.html](https://www.ng.ru/kartblansh/2024-03-26/3_8979_kb.html) (дата обращения: 26.03.2024).
7. Попов Д. Обострение конфликта в Горном Бадахшане (2021–2022 гг.) как угроза региональной безопасности // Проблемы национальной стратегии. № 4. 2023. С. 210–229.
8. Кармазин И. Всевышние меры: в Таджикистане ищут следы террористов из «Крокуса» // <https://iz.ru/1672740/igor-karmazin/vsevyshnie-meru-v-tadzhikistane-ishchut-sledy-terroristov-iz-krokusa> (дата обращения: 28.03.2024).
9. Шамгунов Р. Влияние выбора внутривосточного развития на внутреннюю безопасность в странах Центральной Азии в 90е гг. XX в. (на примере Кыргызстана и Туркменистана). С. 314–323 // Ветер Перестройки. 2022: сборник материалов Второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. 520 с.
10. Жильцов С. Новый виток геополитического соперничества в Центральной Азии // [https://www.ng.ru/dipkurer/2023-05-28/11\\_8734\\_asia.html?ysclid=lucwcx9toj791871461](https://www.ng.ru/dipkurer/2023-05-28/11_8734_asia.html?ysclid=lucwcx9toj791871461) (дата обращения: 10.03.2024).
11. Кузменкин В. Туркменистан: беспокойная граница, газ и российские вузы // <https://asia24.media/main/turkmenistan-nesпокоynaya-granitsa-gaz-i-rossiyskie-vuzy/> (дата обращения: 19.03.2024).

**GROZIN Andrey V.** – candidate of historical Sciences, head of Department of Central Asia and Kazakhstan of Institute of the CIS countries, senior researcher, Institute of Oriental studies Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, email: andgrozin@yandex.ru

**Keywords:** Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Russia, West, security.

## **WORLD TURBULENCE AND CENTRAL ASIA IN THE SYSTEM OF RUSSIAN INTERESTS**

### **Annotation**

The article examines the main trends in the domestic and foreign policy development of the Central Asian states in the current situation of increasing global geopolitical and geo-economic turbulence. The prospects for the short-term development of the states of the region in conditions changing from the beginning of 2022 are assessed. At the same time, this set of issues is analyzed from the point of view of the national interests of the Russian Federation. This option was chosen due to the special significance of the Central Asian region for maintaining stability not only of the Russian Federation, but also of the entire Eurasian space. Separately, the author considers the necessary measures required from Russia to support the Central Asian republics, preventing them from becoming a zone of the “second front” of the collective West against the Russian Federation and weakening continental stability.

### **References**

1. Bordachev T., Chizhova D. Central Asia and the Ukrainian crisis. Report of the Valdai International Discussion Club. M. December 2022. 56 p.
2. Kirsanov F. Russia's turn to the East benefits Central Asia // <https://asia24.media/main/rossiyskiy-povorot-na-vostok-idet-na-polzu-tsentralnoy-azii/> (accessed: 22.03.2024).
3. Nejdánov V. How the United States dragged NATO into the fight against China // <https://ia-centr.ru/experts/vladimir-nezhdanov/>

[kak-ssha-vtyanuli-nato-v-borbu-s-kitaem /?ysclid=lucw0cbhqg662441564](#) (accessed: 24.12.2024).

4. Isaev A. Dollars for hatred: The United States incites hostility in Central Asia not only towards Russia, but also towards local Russians // <https://stanradar.com/news/full/53307-dollar-nan-entavist-ssha-razzhigajut-v-tsentralnoj-azii-vrazhdu-ne-tolko-k-rossii-no-i-k-mestnym-russkim.html?ysclid=lucze4nsri909044686> (accessed: 27.02.2024).

5. Prokhvatilov V. Central Asian countries are offered to kill their own economy // <https://www.fondsk.ru/news/2023/05/19/stranam-centralnoj-azii-predlagayut-ubit-sobstvennyu-ekonomiku.html> (accessed: 28.03.2024).

6. Grabs A. How money of migrant workers is used in Tajikistan. // [https://www.ng.ru/kartblansh/2024-03-26/3\\_8979\\_kb.html](https://www.ng.ru/kartblansh/2024-03-26/3_8979_kb.html) (accessed: 26.03.2024).

7. Popov D. The aggravation of the conflict in Gorny Badakhshan (2021-2022) as a threat to regional security // Problems of national strategy. No. 4. 2023. pp. 210-229.

8. Karmazin I. Supreme measures: in Tajikistan, they are looking for traces of terrorists from Crocus // <https://iz.ru/1672740/igor-karmazin/vsevysnne-mery-v-tadzhikistane-ishchut-sledy-terroristov-iz-krokusa> (accessed: 28.03.2024).

9. Shamgunov R. The influence of the choice of internal political development on internal security in Central Asian countries in the 90s of the twentieth century. (on the example of Kyrgyzstan and Turkmenistan). pp. 314-323 // The wind of Perestroika. 2022: collection of materials of the Second All-Russian Scientific Conference. St. Petersburg, November 9-11, 2022 St. Petersburg, 2023. 520 p.

10. Zhiltsov S. A new round of geopolitical rivalry in Central Asia // [https://www.ng.ru/dipkurer/2023-05-28/11\\_8734\\_asia.html?ysclid=lucwcx9toj791871461](https://www.ng.ru/dipkurer/2023-05-28/11_8734_asia.html?ysclid=lucwcx9toj791871461) (accessed: 10.03.2024).

11. Kuzmenkin V. Turkmenistan: a troubled border, gas and Russian universities // <https://asia24.media/main/turkmenistan-nespokoynaya-granitsa-gaz-i-rossiyskie-vuzy> / (accessed: 19.03.2024).